

Рыцарь неба Алексей Маресьев

Однажды к нам в Первую Московскую спецшколу Военно-воздушных сил наша комсорг — преподаватель французского и немецкого языков (белокурая, небольшого росточка, с ямочкой на щеке) — Валентина Гатенбергер (наша «кляйн Валя») пригласила на встречу в актовЫй зал боевого летчика Героя Советского Союза. Подобные встречи с фронтовиками в годы войны и в те приснопамятные послевоенные времена проходили довольно часто, и мы, естественно, не всегда были настроены, честно признаться, на активное восприятие рассказа фронтовиков о войне. Но когда комсорг спецшколы ВВС кратко рассказала о том, как воевал летчик, как был сбит, как больше двух недель с обмороженными ногами пробырался зимой к линии фронта, как спасли его, находящегося в полубессознательном состоянии двое деревенских мальчишек, мы стали более внимательно слушать. Комсорг «кляйн Валя» как-то слишком быстро рассказала о дальнейшей судьбе неизвестного нам чернявого капитана-летчика, но в конце неожиданно, артистически выдержала паузу и совсем тихо сказала:

— Алексей Петрович летал на истребителях после ампутации ног..

Всякое доводилось слышать, но чтобы летчик летал без ног — это нас ошеломило, и в зале наступила полнейшая, похожая на безмолвие подводного мира, тишина; никто из нас, притихших и удивленных, не проронил ни слова, ни полслова, даже шепотом. Мы сидели, словно замороженные... Как же так? В авиацию с руками и ногами трудно попасть, а тут — без ног..

Красивый, с большими глазами и мягкой улыбкой, с волевым мужественным лицом, с густой копной воронового крыла шевелюрой летчик долго стоял посередине сцены, пока мы, поднявшись в едином порыве, громко и восхищенно аплодировали. Шквал аплодисментов наполнил не только актовЫй зал: гимн мужеству, силе духа скромного человека нескончае-

мо сотрясал стены и стекла здания спецшколы ВВС в Чапаевском переулке Москвы.

Мы заморожено смотрели на капитана, сосредоточенно вслушиваясь в каждое его слово о боевых вылетах и воздушных боях, о своей многосуточной борьбе за жизнь в глухом, засыпанном снегом лесу, о мальчишках, спасших его, об ампутации ног, о его длительных хлопотах по допуску к полетам...

Когда выступление закончилось, я вместе с другими воспитанниками спецшколы ВВС подошел к комсоргу Вале и стоявшему рядом с ней герою-летчику. Для меня, сельского парня, это было такое событие — увидеть летчика, побыть рядом с ним. Сдерживая дыхание, я не переставал восхищенно смотреть на него, любуясь и его скупыми жестами, и спокойным, тихим голосом, и звездой Героя, завидуя его подвигам в воздухе и на земле.

Во мне появилось чувство уверенности: «Если он после пережитого смог летать, то я стану летчиком! Стану во что бы то ни стало!» Он помог мне. Я обрел крылья! Похоже, в меня влилась часть и его мужества, и его силы духа... «Поздно, поздно мы родились, — сокрушался я, глядя на всех друзей-спецшкольников. — Не успели мы повоевать с фашистскими летчиками».

— Неужели вы, товарищ капитан, и в самом деле летали без ног на истребителе? Куда ни шло — на У-2, но на истребителе! — то ли восхищенно, то ли сомневаясь, спросил кто-то из нас, глядя на капитана. Летчик услышал высказанное сомнение, окинул взглядом окруживших его будущих авиаторов, тихо произнес:

— Не верите? Тогда смотрите.

Капитан приподнял концы брюк, и мы увидели желтоватые ремни протезов... Нам стало стыдно за сомнения: кто-то шумно вздохнул и едва слышно промолвил:

— Извините нас...

Мое восхищение человеком мощного духа захватило меня так, что я, не сводя с него взгляда, слушая его ответы и рассказ о профессии летчика, казалось, не дышал, ощущая прилив счастья от общения с ним, от того, что Он рядом. Незаметно для других я слегка притронулся к его гимнастерке, а

потом и к его руке. О, это были минуты наивысшего состояния духа, минуты трудноописуемой радости!..

Когда зазвучала музыка вальса «Грусть», капитан пригласил Валью; нет, он не кинулся в вихрь танца, как спецшкольники, — капитан танцевал в замедленном темпе, словно опасаясь скользкого паркета, сдерживая себя...

И снова мы заворожено смотрели на капитана, радуясь тому, что воочию видим этого человека-легенду, что есть такие люди: с красивым лицом, а главное — с красивой, мужественной душой...

Шли годы. Выпускники Московской спецшколы ВВС становились курсантами летного училища, осваивали учебные самолеты УТ-2, Як-18, Як-11, боевые истребители Як-9 и Як-3. И вот однажды мы услышали, как в казарме по радио читали отрывки из книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке», и вспомнили о той встрече в Москве с чернявым капитаном, летчиком Алексеем Петровичем Маресьевым. Уставшие после полетов, чистки моторов и самолетов и притихшие, мы сидели возле единственного громкоговорителя и внимали голосу актера, читавшего проникновенные строки повести о летчике Алексее Маресьеве*. В тот вечер курсанты были как никогда сдержанными, малоразговорчивыми, а если кто и разговаривал, то только о войне, о воздушном бое летчика Маресьева из книги Бориса Полевого. После отбоя мои соседи долго не смогли уснуть: Толя Тимофеев, Юра Зайцев, Слава Соколов лежали с открытыми глазами...

Некоторое время спустя случилось так, что закончился запас угля в полковой кочегарке и отопительные батареи остыли, в казарме воцарился декабрьский холод, как на улице, но мы не ныли, укрывались поверх одеял большущими, ватными, промасленными самолетными чехлами, памятуя о ползущем по снегу с отмороженными ногами летчике Маресьеве...

Мы с гордостью поднимались в воздух на истребителях Як-9 и на Як-3, выполняли воздушные бои, вели огонь из бортовых пушек и пулеметов по наземным и воздушным мишеням, чувствуя, как постепенно приобретаем умение и опыт. Случались неудачи и ошибки, нас поругивали учителя-инструкторы на

* В романе Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке» фамилия летчика Маресьева была изменена на Мересьев.

разборах полетов, иногда становилось невмоготу, возникали труднопреодолимые препятствия, но мы с большим трудом и напряжением преодолевали их — нам было с кого брать пример...

Когда в библиотеке появилась книга об Алексее Маресьеве, среди курсантов стихийно возникла огромная очередь; повесть читали в основном ночью при керосиновой лампе возле дневального или в караульном помещении после смены с поста по охране длиннющей стоянки самолетов.

...Стихали в коридоре шаги обхода, а Мересьев лежал с закрытыми глазами и думал: «Ноги, ноги, ноги мои! Неужели я останусь без ног, калекой на деревяшках, как старый перевозчик дядя Аркаша в родном его Камышине! Чтобы при купанье так же, как тот, отстегивать и оставлять на берегу деревяшки, а самому по-обезьяньи лезть в воду».

После очередей «мессершмитта» и удара самолета о лес его с поврежденными ногами выбросило из кабины в снег и он восемнадцать суток не шел, а полз по снегу, преодолевая рвы, канавы, сломанные буреломом деревья, холод, не имея во рту и маковой росинки. Полз, отощав так, что остались кости, обтянутые истончившейся кожей; теперь, вот, врачи настойчиво твердят о гангрене и об ампутации ног: «Выбирай, парень: или жизнь без ног, или медленная смерть». А полеты? Как же без них?

«Ампутация? Нет, только не это! Лучше смерть... Ампутация! Нет же, не быть тому», — думал Алексей... И вот день настал, на обходе Василий Васильевич (врач-профессор. — А. С.) долго ощупывал почерневшие, уже не чувствовавшие прикосновения ступни, потом резко выпрямился и произнес, глядя прямо в глаза Мересьеву: «Резать!»

Побледневший летчик ничего не успел ответить, как профессор запальчиво добавил: «Резать — и никаких разговоров, слышишь? Иначе подохнешь! Понял?» И вышел из палаты...

Палату наполнила тяжелая тишина...

— Леша, — тихо позвал лежавший рядом тяжело больной комиссар Воробьев.

— Что? — отозвался Алексей далеким, отсутствующим голосом.

— Так надо, Леша...

Когда пилили кость, боль была страшная; он стоически переносил страдания, не очень понимая, что делают у ног эти люди в белых халатах...

Очнувшись, старший лейтенант Мересьев судорожно провел руками по одеялу, где раньше были ноги, но там — пуста. И он едва удержал себя от бессилия и вырывавшегося наружу крика — теперь он уже никогда не вернется в полк, на фронт, не поднимется в воздух, чтобы сражаться с хищниками из люфтваффе из стаи Геринга. Теперь все! Теперь он безногий инвалид, обуза для людей, лишний. И это все до конца жизни... После операции, — повествовал Борис Полевой, — с Алексеем Мересьевым случилось самое страшное, что может произойти при подобных обстоятельствах. Он ушел в себя... Целые дни, неподвижный, лежал на спине, смотря все на одну и ту же извилистую трещину на потолке. Когда товарищи заговаривали с ним, он отвечал — и часто невпопад — «да», «нет» и снова умолкал... Он покорно выполнял все назначения врачей, принимал все, что ему прописывали, вяло, без аппетита съедал обед и опять ложился на спину...

Особую заботу о Мересьеве проявлял тяжело больной комиссар Воробьев; он то шуткой, то рассказами о жизни других и о своей жизни как мог поддерживал моральное состояние Алексея, вселял в него уверенность и надежду на возможное возвращение в небо, от чего медленно возрастала сила духа безногого летчика. Однажды Воробьев положил на угол кровати Мересьева журнал с небольшой статьей о русских летчиках Первой мировой войны.

— Читай, Леша, тут и тебя касается.

Алексей пробежал взглядом по статье, но своей фамилии не встретил и вернул журнал.

— Читай! — настойчиво требовал Воробьев и снова положил журнал перед Мересьевым.

И только вчитавшись, Алексей узнал о судьбе русского летчика Валерьяна Карповича, потерявшего после тяжелого ранения в воздушном бою разрывной пулей ногу. Карпович сделал себе протез, научился не только ходить, а и бегать, много занимался гимнастикой и добился своего — он снова стал летать.

Все раненные в палате смотрели на Алексея: что он скажет?

— Что скажешь? — торопил комиссар.

— Он летал на «фармане» на скорости семьдесят километров в час. А сейчас наши Яки ведут воздушные бои с «мессерами» на скорости пятьсот!

— Но ты советский человек! Ты — мужественный, смелый, храбрый летчик! Освоишь и ты полеты на Яках!

Состояние самого Воробьева становилось все хуже и хуже. Позже Мересьев вспоминал комиссара Воробьева, «его большое, распухшее тело, желтевшее на белых простынях, и женщину, застывшую над ним в вековой позе женского горя...»

С помощью врачей, товарищей по палате Алексей Мересьев, проявив высочайшую силу духа, огромное терпение, исплинскую выдержку, необыкновенное мужество, преодолел навалившиеся на него безучастие и апатию, постепенно преодолел самого себя, заставил себя подолгу заниматься физическими упражнениями, уверовав в возможность вернуться в небо. Его поддерживали все окружающие; врачи, медицинские сестры, нянечки и... письма из Камышина от Ольги — его давней подруги. «Что бы ни случилось — я буду всегда с тобой, — писала Ольга. — Я думаю о тебе каждую свободную минуту, и эти думы помогают мне переносить тяготы военной жизни, бессонные ночи на заводе, рытье окопов и противотанковых рвов в свободные дни и ночи. Твоя последняя маленькая карточка, где ты сидишь на пеньке с собачкой и улыбаешься, всегда со мной. Я вставила ее в мамин медальон и ношу с собой на груди. Когда мне тяжело, открываю и смотрю... И знаешь, я верю: пока мы любим друг друга, нам ничего не страшно».

Алексей подолгу лежал молча и вспоминал, вспоминал — ему было что вспомнить: работу на токарном станке, строительство города на Амуре — Комсомольска, полеты в аэроклубе — его юношеская мечта о небе была исполнена с помощью комсомольской организации, пославшей его, как и многих других, на Дальний Восток строить новые города, дороги, заводы. Они, молодые парни и девушки, в выходные дни вырубали в тайге большое поле для аэродрома и добились создания аэроклуба; ребята все создавали своими руками.

Искусанные тучами комаров, под ливнями дальневосточных тайфунов, зимой в простых армейских палатках в тридцатиградусный мороз строили огромный завод. Они создавали и по праву назывались создателями... Вечерами Леша Маресьев брал гитару и вместе с девушками и парнями пели старинный грустный романс «Оборванные струны» и вальс «Грусть»...

Пишу, думаю и сравниваю энтузиазм молодежи в те труднейшие годы строительства нового государства и перед глазами — беснующаяся огромная толпа молодежи на одной из площадей большого города, грохот рок-музыки, ошалелые от спиртного и пива глаза шатающихся, орущих здоровенных городских ребят, сбрасывающих в реку садовые скамьи в детском парке и мусорные тумбы, бьющих пустые пивные и водочные бутылки на набережной, ломающих ограждения...

Создатели тридцатых—сороковых и разрушители дней сегодняшних... Да, молодежи надо развлечься, потанцевать, попеть песни. Все так. И маресьевы Дальнего Востока возводили город и завод, ходили на построенную своими руками танцплощадку, учились летать на отвоеванном ими у тайги летном поле, шутили, пели в самодеятельном молодежном театре, учились в вечерних школах, влюблялись и любили, страдали и радовались, оставаясь всю жизнь создателями. Увы, в наше время очень много разрушителей: и физических, и нравственных...

Много лет спустя я оказался в служебной командировке в районе Комсомольска-на-Амуре; летал на вертолете и, рассматривая тайгу, вспоминал: «А где-то здесь, на земле, что под винтами нашего Ми-8, в тридцатые годы Алексей Маресьев вместе с другими комсомольцами строил этот огромный и по теперешним меркам завод, выпускающий современные суперистребители Су-27 конструктора П. Сухого». И приземлились мы на том самом, тогда маленьком, аэроклубовском аэродроме с фанерными тружениками У-2, на котором поднимались в небо Алексей Маресьев и его друзья-комсомольцы. Вернувшись в Москву, позвонил Алексею Петровичу, сказал о своей очередной командировке на Дальний Восток, услышал в телефонной трубке его бархатно-волжский голос: «Зайди как-нибудь. Интересно узнать — как там теперь все выглядит».

...Вспоминал Алексей, лежа в кровати, те труднейшие годы строительства города и завода, ту огромную энергию молодежи, с помощью которой решались задачи государственной важности по подготовке страны к защите от агрессии: подготовка пилотов на У-2, кружки ворошиловских стрелков, лыжные походы, спортивные соревнования, прыжки с парашютом... «И летчиком стал, чтобы в небе защищать воздушные рубежи, — размышлял Алексей, лежа на госпитальной койке. — Защищал в небе, сражался... А теперь вот... Инвалид — куда я поеду». Горькие мысли одолевали Алексея все чаще и, казалось, им не будет конца...

Алексей все чаще вспоминал комиссара Воробьева, вдохнувшего в него желание и жить, и бороться за возвращение в небо...

— Это был настоящий человек, большевик. Дай бог нам с тобой стать такими, — делился воспоминаниями Алексей со своим фронтовым другом.

Алексей учился ходить с костылями; он падал и поднимался с пола с разбитым лицом, потом пытался ходить с палкой, маленькими шажками, сжимал зубы от боли в натертых культяшках. Постепенно гимнастика и ходьба стали для него необходимыми, как воздух. Он иногда валился от усталости на траву парка санатория ВВС, скрывая слезы своего бессилия и неумения передвигаться, как остальные люди, выл от досады в глухом, заросшем деревьями и кустарниками, углу парка санатория...

Позади муки, боль, счастье — он научился ходить! И не только ходить: председатель врачебно-летной комиссии (ВЛК) не просто был удивлен тому, что летчик Маресьев вечером танцевал медленный вальс и танго, а утром тот же Маресьев, чтобы убедить медицинскую комиссию прыгал на стул, а со стула на пол. Прыгал!

На вопрос комиссии: «А если придется воспользоваться парашютом. Сможете нормально приземлиться?» Маресьев молча забрался на стул и спрыгнул на пол...

А сколько довелось пережить после разрешения медкомиссии полетов на У-2! Потом на знаменитом Лавочкине-5. «Безногий летчик! Сможет ли он пилотировать истребитель?» — сомнения сыпались со всех сторон. «Смогу! Смогу! Смогу!», — стиснув зубы, утверждал Алексей Маресьев.

Смог! Во время Орловско-Курской битвы он сбил три вражеских самолета, участвуя в боевых вылетах 63 гвардейского истребительного полка, потом завалил еще двух стервятников люфтваффе...

Разумеется, его победы в воздухе стали возможными в первую очередь благодаря силе духа, благодаря людям, поверившим в него: командиру полка Николаю Иванову, командиру эскадрильи Александру Числову. «Пойдешь ко мне ведомым», — твердо сказал Числов после того, как Иванов направил Алексея в эскадрилью капитана Числова...

После окончания военной академии начальник авиационного факультета генерал-майор авиации Александр Иванович Вихорев, посмотрев в мою сторону, сказал:

— Поедете служить на Север? Не возражаете? Закалка у вас крестьянская, трудностей не боитесь?

— Нет, конечно. На Север, так на Север — только бы летать, — ответил я...

После прибытия в штаб дивизии доложил командиру соединения Герою Советского Союза Александру Выборнову о назначении в истребительский авиаполк.

— Прибыл, значит, — многозначительно произнес комдив. — А у нас есть свой замполит. Майор Проровский, летчик первого класса, фронтовик.

Выборнов бросил короткий, колющий взгляд на мой нагрудный знак летчика третьего класса. Я хотел было сказать, что в летном училище уровень подготовки летчиков определяется умением летчиков-инструкторов учить курсантов. В те годы летчики-шкрабы (шкраб — школьный работник) могли иметь подготовку летчика только третьего класса. Но говорить об этом не стал. «Ничего себе встречал!» — с горечью подумал я, вспоминая напутствие высококого московского начальника: «Вас ждут в воинских частях!» Оказывается и не ждали, и не встретили...

— Место тебе найдут, — пытался успокоить комдив, — через три дня летим в штаб армии. Там и решится твоя судьба.

Вспоминая всю ту нервотрепку, обиду и горечь от встречи: «Я, оказывается, не нужен!», долгое стояние возле дверей начальных кабинетов, подумал о том, что человеку приходится преодолевать трудные препятствия не раз и не два, заставляя себя настроиться на борьбу с очередной досадной жизненной

преградой, проявлять силу воли, чтобы не расслабиться, не раскиснуть. Не каждому дано иметь крепкую волю, крепкий дух, крепкий нравственный стержень. И не часто встречаются на жизненном пути комиссары Воробьевы, которые готовы протянуть руку и прийти на помощь.

Мы с женой Таисией Ивановной и маленьким сыном Юрой несколько вечеров сидели в гостиничном номере и ждали письменного решения начальства; настроение было тягостное, обида иногда стальным обручем стягивала горло, мысли потяжелели, время тянулось медленно, погружая нас в мрачные, гнетущие думы... Неужели придется снова грузить вещи в контейнер и тащиться в другой гарнизон... Есть ли там школа — сыну надо идти в первый класс? Вопросов возникало много, и число их росло.

Летели с группой офицеров дивизии в штаб армии мучительно долго — Север велик. В перерыве между заседаниями военного совета я представился командующему и члену военного совета армии и предъявил служебное предписание, подписанное начальником Главного политического управления. Оба военачальника почти одновременно произнесли:

— Отправляйтесь в предписанный вам полк!

Радости моей не было предела, но я старался держаться спокойно и сдержанно.

Мы с женой и сыном в хорошем настроении двинулись на грузовичке с нашими вещами в предписанный Москвой авиационный полк.

Начались трудовые будни молодого летчика-политработника. Не скрою — трудностей было много: и незнание людей, и опыта — кот наплакал, и полеты, и повышенная степень боеготовности в связи с событиями на Кубе осенью 1962 года. Мне не хватало времени на решение самых неотложных проблем, надо было охватить своим влиянием основные структуры полка, а главное — постоянно создавать у людей такое состояние духа, которое бы смогло поддерживать высокую боеготовность всего личного состава и, в первую очередь, летчиков дежурных подразделений. Я очень нуждался в «комиссаре Воробьеве», чтобы развеять свои сомнения в правильности собственных поступков, чтобы выдержать избранный курс в определении влияния актива на весь личный состав полка, чтобы советы опытного

человека были какое-то время постоянны — в них я нуждался каждодневно.

«Комиссар Воробьев» оказался рядом. Судьба свела меня с человеком прекраснейшей души и с открытым сердцем, профессиональным летчиком-политработником уроженцем Белоруссии Проровским Стефаном Тарасовичем. Мое назначение в гвардейский авиационный полк лишило летчика-фронтовика Проровского должности — он был замполитом полка, а теперь, вот, я «сместил» его; ехал в полк, не зная, что принесу кому-то обиду. У Стефана Тарасовича не было академического образования, и кадровики, как часто случается, даже не сказали ему, не побеседовали, не подыскивали новую работу. Другой бы обиделся, замкнулся в себе от несправедливости и черствости, но Воробьев-Проровский вместо обиды стал лучшим наставником, советчиком, самым близким помощником, помогая мне в самых трудных делах и заботах, укрепляя во мне веру в свои силы, вдохновляя на преодоление трудностей. Стефан Тарасович в текучке дел забыл и не сразу сказал о том, что Алексей Маресьев служил в нашем полку.

— Алексей Петрович — наш однополчанин, — не без гордости произнес Проровский. — Но все никак не выберет времени побывать в родном 63-м гвардейском полку, в котором он получил путевку в небо после всего случившегося с ним зимой сорок первого года.

В свой первый отпуск, после встреч с мамой и первой учительницей Верой Васильевной Разумовской в Подмоскowie, я помчался к Маресьеву на Гоголевский бульвар Москвы, в Советский комитет ветеранов войны — , где Алексей Петрович работал ответственным секретарем. Шел и с волнением думал, как предстать перед Алексеем Маресьевым, совершившим великий, мужественный и духовный подвиг..

Встреча с известнейшим человеком была для меня высокой наградой, одним из самых важных событий жизни. Сказать, что волновался — не сказать ничего, я испытывал трудноописуемое трепетное состояние души: она, казалось мне, сжалась от предстоящего встречи с необыкновенным человеком, и в то же время я испытывал огромнейшее чувство радости от того, что я увижу этого человека, — счастье распирало душу..

За столом сидел тот летчик с копной густых смоляных волос, которого я впервые увидел в спецшколе ВВС много лет назад: та же милая улыбка, те же крепкие руки, те же красивые, усталые глаза. Алексей Петрович предложил сесть и рассказать о полковых делах и заботах, подробно расспросив и о командире полка Алексее Соколове, и о командирах и летчиках эскадрилий; его интересовало буквально все, а я спешил выговориться и потому излишне волновался и кое-что путал, а, выговорившись, начал расспрашивать Алексея Петровича о его такой трудной и красивой судьбе — Полевой при всем его таланте, разумеется, не смог описать всего, что было в жизни Маресьева. Беседа потекла в заданном русле: разговор шел о воздушных боях, о профессиональных качествах летчиков-фронтовиков, о различиях тактики воздушного боя сорок первого года и сорок четвертого, об особенностях истребителей Яковлева и Лавочкина. Мне было очень интересно слушать оценки войны человеком переднего края, принимавшим непосредственное участие в боях и в 1941 году, и в 1945.

Это была такая захватывающая встреча, такой кладезь правды о войне, с которой я не встречался, хотя бесед с фронтовиками было много. Маресьев воевал с летчиками люфтваффе в трагические дни 1941 года, когда стаи гитлеровских стервятников имели огромное преимущество и в количестве, и в тактике, и в техническом оснащении самолетов. За годы войны менялись не только моторы, пушки, самолеты, менялись и люди, управлявшие ими. Ни в академии, ни в авиаучилище, ни на курсах ничего подобного не доводилось слышать! Рассказы о войне были из уст человека, не раз смотревшего смерти в глаза, пережившего не только тяжелое потрясение, но и радость возвращения в небо.

— Многое пришлось пережить, — делился впечатлениями Алексей Петрович, — были и победы, и успех, но радость возвращения в небо была для меня такой огромной, такой мощной — она охватила меня с головы до ног, что я не удержал слез. Я чуть было не закричал от радости в воздухе!

— Вам во многом помог комиссар Воробьев. Помог одержать победу над собой, помог укрепить силу духа, укрепить веру в самого себя. А не окажись рядом комиссар Воробьев, вы бы смогли преодолеть все эти препятствия и трудности?

Маресьев напрягся, покрутил карандаш, посмотрел из стороны в сторону, словно собирался с мыслями.

— Комиссар протянул мне руку помощи в самое трудное время. Думаю, что смог бы помочь и кто-нибудь другой. В годы войны такие, как Воробьев, встречались нередко. Не окажись того самого тяжело контуженного фронтовика Воробьева, думаю, что на помощь мне пришел бы еще один Воробьев. Наши советские люди в подавляющем большинстве очень добрые, заботливые, внимательные люди. Я таких встречал в войну много, брал себе на вооружение их человеческие качества. В годы войны наши люди сдавали в Фонд обороны деньги, обручальные золотые кольца, серебряные вещи и посуду, теплое белье, покупали на свои сбережения самолеты и танки: тот же знаменитый саратовский колхозник-пасечник Ферапонт Головатый, подаривший летчику-фронтовику качественно новый самолет... Люди отказывали во многом себе, чтобы отдать в Фонд обороны последнюю пару теплого белья или последние валенки. Тогда никто не копил ни денег, ни вещей! Отдавали, повторяю, последнее.

— Согласен, люди в годы Отечественной войны были добрее и заботливей, но, тем не менее, страдания переносили Вы, Алексей Петрович. Откуда бралась у Вас та сила духа, которая способствовала, помогала и Вашему выздоровлению, и Вашему потрясающему желанию вернуться в небо?

— Конечно, без личного настроения, не скрою, я тогда пал духом; без огромных моих усилий, наверное, невозможно было решить главной цели жизни — восстановить технику пилотирования и снова вести воздушные бои. Мне и самому иногда не верится: как можно было преодолеть то бесчисленное количество хирургических операций, физических тренировок, нежелание медиков дать разрешение на полеты, подозрительность отдельных начальников. Главное — хотелось лично сражаться с фашистскими захватчиками, внести свой вклад сначала в изгнание гитлеровских оккупантов с территории Советского Союза, а потом и в разгром врага. Наше поколение, как сейчас пишут в газетах, было идеологизировано. Допускаю, что так, но мы с детства, с молоком матери впитали чувство патриотизма! Мы считали себя обязанными защищать Родину. Любить ее, исполнять обязанности с полной отдачей сил.

И еще. Ты, Анатолий, знаешь, как высоко ценится в авиации чувство братства, чувство локтя. Авиационный полк — это единая семья! После ампутации меня охватило жуткое одиночество, страх перед будущим и очень захотелось вернуться в авиацию — там мои братья, они помогут мне! Коллективизм — великое чувство! Я благодарен и учителям школы, где учился, и летчикам авиашколы, где меня, курсанта, учили летать, и всему личному составу полка, в котором я начал воевать. Конечно же, многим я обязан и комсомолу тех лет. Комсомол привил мне чувство коллективизма, ответственности за свои поступки.

Встреча длилась бы до вечера, но в кабинет неоднократно заглядывал помощник, давая понять о приближении очередной деловой встречи.

Я пригласил Алексея Петровича в полк в любое удобное для него время.

— Вот посмотри мой годовой и месячные расклады командировок, международных конференций и встреч, — Алексей Петрович развернул годовой календарь. — Видишь, все месяцы заняты.

— А в следующем году? — я продолжал наседать, упрямая своего кумира.

— И в следующем году примерно такая же нагрузка. Обещаю одно: в полку буду обязательно! Когда? Будем смотреть. Всему личному составу полка, командиру Соколову — всем привет и добрые пожелания успехов на земле и в воздухе...

Я вышел на Гоголевский бульвар, сел на скамью, закрыл глаза и мысленно еще раз «прокрутил» все услышанное от Алексея Маресьева, долго пребывал в состоянии приподнятости духа, ощущая себя счастливым, — я видел, слышал, сжимал руки такого удивительного человека...

Каждый год в отпускное время я наведывался на Гоголевский бульвар, к Маресьеву, докладывал ему о полковых делах, внимал его воспоминаниям и о воздушных боях, и о его поездках по ветеранским делам. Слушая его бархатный голос, я мысленно переносился на полевые аэродромы фронтов, жил с летчиками в сделанных на скорую руку землянках, поднимался в воздух ведомым Маресьева — война и авиационные будни входили в меня глубоко и основательно. Я восхищался

и любовался Алексеем Петровичем; он стал легендой, подобно русским богатырям Добрыне Никитичу и Алеше Поповичу, которых я любил с детства за то, что они защищали людей; красота его овального лица, добрых глаз, жестов рук, копны волос была для меня сказочной. В нем все было необыкновенным: умный взгляд, скупые движения и ничего во внешнем облике героического и мужественного, последнее, похоже, находилось в глубине его души, в сердце. Я восхищался им, и каждая встреча подпитывала меня, молодого летчика-политработника, маресьевской выдержкой, мудростью, терпением, волей, ощущением счастья общения с таким человеком. Мне хотелось, чтобы вместе со мной «заряжался» маресьевской энергией весь личный состав нашего гвардейского полка...

Свободного времени оставалось очень мало, а надо было заниматься спортом (любил бег и лыжи, позже полюбил и теннис), помогать семье. Читал мало — не хватало времени; уезжая в санаторный отпуск, брал с собой наиболее интересные, неизвестные мне литературные произведения, опубликованные в «Роман-газете». Однажды в библиотеке гарнизона мне предложили новую повесть малоизвестного мне писателя Василия Быкова «Мертвым не больно». Как мне казалось, о войне я читал много, немало посмотрелся на войну при обороне Москвы и боях вокруг нашего села, но то, что прочел у Быкова, — потрясло. Война мне стала видиться другой... Прочитал и «ударную» статью в газете «Красная звезда» о повести Быкова...

Полеты, спорт, чтение книг, занятия, встречи с летчиками, техниками, офицерскими семьями стали буднями, занимающими все служебное и личное время. Первые два года я не имел ни одного выходного дня! И все это время мне помогал Стефан Тарасович Проровский — он был назначен штурманом полка и учил меня не только на стоянке самолетов, в жилом городке, но и в небе — он был прекрасным летчиком-инструктором и учил меня полетам ночью и в облаках. Текучка часто так захватывала меня, что время оставалось только на сон... И вдруг телеграмма из Москвы: «Выезжаю. Маресьев».

Гарнизонный Дом офицеров был переполнен: офицеры, их семьи, школьники, многие сидели на полу и подоконниках. Когда Алексей Петрович вошел в зал, все поднялись и несколько минут бурно аплодировали своему смущенному теплой встречей однополчанину. Более полутора часов длился его рассказ о тяжелой войне, о воздушных боях, мужестве, ошибках и потерях, о том, в каких жестоких зимних условиях трудились техники, механики, мотористы (среди них было немало женщин): они готовили самолеты к вылету с вечера и всю ночь, разогревая загустевшее на морозе масло и заливая его в моторы истребителей, набивая патроны пулеметов и снаряды пушек в ленты.

— В зале много техников и механиков, — говорил Алексей Петрович. — Вы — труженики стоянок самолетов, боевые помощники летчиков. В ваших лицах я вижу тех, кто помогал нам, летчикам, в годы войны уничтожать гитлеровских стервятников. Приношу свои признательность и благодарность техникам, инженерам, механикам времен войны! Спасибо им всем и вам, наши боевые помощники — труженики стоянки, от всех летчиков!

Не часто авиационные начальники благодарят технический состав за его труд и усердие, а вот Алексей Петрович Маресьев счел необходимым высказать свою особую признательность техникам и механикам, что вызвало бурю аплодисментов не только технического состава, но и всех присутствующих.

На следующий день ветеран полка встретился с летным составом. Разговор пошел об особенностях воздушных боев, точнее — о тонкостях и нюансах, понятных только пилотам, о важности осмотрительности в воздушном бою.

— Голова, говорили нам, молодым пилотам, мастера воздушного боя, должна крутиться на триста шестьдесят градусов. Не смог заметить крадущегося снизу или сверху «мессера» или «фоккевульфа» — жди очереди из «эрликона», а эти пушки унесли много жизней в воздухе. Теперь техника другая. Бортовые радиоприцелы «видят» далеко, вне предела зрения человека, и вы видите на экране бортового прицела едва заметное зернышко — отметку цели, но в ближнем бою осмотрительность остается актуальной и по сей день.

Маресьев приводил примеры летной практики времен войны — летчики сразу же настораживались, стараясь запомнить тот или иной эпизод, присматриваясь к его жестам.

Самое интересное началось тогда, когда летчики, осмелев, начали задавать вопросы на самые «летческие» темы: взаимоотношения между командованием полка, дивизии с летным составом, служебные обязанности и дружба, ведущий и ведомый, опасность и страх, воздушные бои и отдых. Лицо Алексея Петровича порозовело, во взгляде светились искорки бодрости — он был в своей стихии, дышал одним с летчиками воздухом, заразительно смеялся, шутил...

— Вы долго после войны летали?

— Попробовал на реактивных МиГах — не пошло, не та реакция. Пошел работать в Первую Московскую спецшколу ВВС — ваш замполит Сульянов учился в ней, добился разрешения на ведение ознакомительных полетов с воспитанниками спецшколы ВВС. Но где взять учебный самолет? Пробился к командующему ВВС Московского округа генералу Василию Сталину — он меня знал еще с войны. «Что тебе надо?» — спросил командующий. Отвечаю: «По-2, бензин, механик, стоянка на военном аэродроме». Сталин поднял трубку и кому-то сказал: «Зайди!» Вошел полковник, поздоровался. «Перед тобой сам Маресьев. Обеспечь полеты в спецшколе ВВС на По-2». И все решилось в одночасье, а до этого год ходил с прошениями. Команда генерала Сталина была немедленно исполнена. Летом, когда спецшкола переходила в лагерь — жили в палатках в Подмоскovie недалеко от Чехова, я вывозил ребят в ознакомительные полеты, давая им «понюхать воздуха», как говорят летчики. Летал до 1953 года.

О приезде Маресьева узнало руководство Карелии, и тут же последовало приглашение на встречу с руководителями республики, вслед за этим событием последовала встреча с рабочими одного из заводов, нашими шефами...

Вечерами, после долгого дня, мы возвращались в гарнизонную гостиничку, я нагревал на электроплитке воду, наливал ее в ванночку с марганцовкой и приносил в комнату Алексея Петровича — он снимал протезы и опускал культы в ванночку.

— Много сегодня пришлось ходить, большая нагрузка на швы, надо размягнуть их, — сетовал Алексей Петрович.

Иногда мы усаживались на скамье у входа в гостиничку и долго беседовали на самые различные темы, главной из которых оставалась война и полеты. Иногда говорили и о моих в ту пору увлечениях литературными делами.

— Кто-то из мудрых сказал: «Воспевать красоту звездного неба достоин тот, кто побывал среди звезд». Ты, как говорят, трогаешь звезды крылом самолета. Пиши о летчиках честно: и не приукрашивай, и не упрощай. Ты сам знаешь, как трудна летная работа, сколько прекрасных ребят осталось в небе...

В один из вечеров Алексей Петрович пришел к нам; Таисия Ивановна накрыла стол, угощала гостя северными деликатесами — грибами и рыбой. Рюмку водки Алексей Петрович только пригубил — для него действовал режим ограничения спиртного. Сын Юра внимательно слушал его воспоминания о детстве, о мечте стать летчиком.

— А ты, Юра, тоже, как и папа, станешь летчиком?

Юра застеснялся, покраснел и тихонько произнес:

— Я... не знаю...

После рассказа Алексея Петровича о своей юности и молодости, о строительстве Комсомольска-на-Амуре я сказал:

— Вы как-то говорили о том, как строители города молодежи по выходным дням учились летать в аэроклубе, как вечерами устраивали концерты самодеятельности и любили под гитару петь романс «Оборванные струны» и вальс «Грусть». Вот гитара, спойте, пожалуйста, Алексей Петрович.

— Давно это было, Анатолий! Ты меня озадачил — редко беру в руки гитару.

В комнате наступила неловкая тишина: я почувствовал себя виноватым и не знал, как исправить ошибку. Неожиданно Алексей Петрович нарушил общее смущение:

— Давай гитару! Самому интересно — смогу ли?..

Он взял гитару, несколько минут на слух подбирал наигрыш, а потом, после небольшой паузы, начал потихоньку наигрывать «Оборванные струны» — грустную, проникающую в душу мелодию... Как прекрасны были эти минуты! Мелодия грусти и воспоминаний охватила нас: мы мысленно перенеслись в юношеские годы с их радостями, печалью, обидами, первыми поцелуями и первой робкой любовью, с ожиданиями встреч, расставаниями...

Алексей Петрович иногда подолгу оставался на скамье возле гостинички, наслаждаясь запахами сосны из густого карельского леса, тишиной, покоем. Городские шумы лишают людей подобного благодного состояния и потому они радуются, когда оказываются в тихом лесу, на берегу реки или озера, с удовольствием вдыхая крутые настои трав, кустарника и деревьев.

Гарнизонные дети тех лет отличались от городских своей скромностью, даже несмелостью в обращении со взрослыми, но многие из них, спросив разрешения, все-таки робко обращались к Алексею Петровичу, от стеснения едва слышно упирали об автографе то на книге, то на открытке, то просто, чтобы постоять группкой возле него.

— Алексей Петрович, школьники и учителя несколько дней просят о встрече. Может, завтра с утра Вы побываете в школе? — спросил я после неоднократных просьб учителей и учеников. — Дети очень хотят увидеть вас!

— Да, Анатолий, детям отказывать нельзя. Завтра идем в школу, хотя хочется немного отдохнуть, побыть у озера...

Школьный небольшой зал был переполнен. Чтобы снять значительную часть нагрузки с гостя, пришлось рассказывать и о подвиге Алексея Маресьева, и о книге Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Отмечу: во время пребывания однополчанина в авиагородке и особенно после его отъезда книга Полевого о Маресьеве была поочередно прочитана и школьниками, и солдатами, и офицерами. Очередь установилась на несколько месяцев.

Выступил и Алексей Петрович; это была откровенная — Алексей Петрович так «настроил» и ребятшек, и учителей, и родителей — беседа человека, прошедшего войну, да еще с такой труднейшей судьбой.

— Жизнь вдвойне интересна тогда, когда человек постоянно стремится к новым знаниям, к неизведанному, к тому, чтобы стать личностью, обогащенной всесторонними познаниями и истории, и музыки, и литературы, и живописи. Можно жизнь прожить и не оставить доброго следа, а можно своей жизнью сделать интересной жизни других. И развлечения нужны, и труд необходим, и учеба нужна, но всего должно быть в меру. Можно увлечься танцами, концертами, застольями, беседами

ни о чем — тогда жизнь будет однообразной. Такая жизнь, как это часто бывает, со временем надоест, ибо она просто неинтересна. Вы, конечно же, слышали такое выражение: «Человек не интересен». Таких людей немало. И есть другое мнение: «Человек очень интересен — яркая личность». Это, как правило, те люди, которые очень много занимаются самообразованием: они прекрасно начитаны, любят театр, музыку, музеи. Старайтесь и вы, ребята, стать личностью. Воспитывайте в себе потребность больше читать, слушать хорошую музыку, испытывать радость общения с людьми и природой.

Алексей Петрович так мастерски, лаконично, просто и доходчиво внушал школьникам эти, казалось бы, известные истины, что все ребята внимали ему, затаив дыхание, погружившись в мир размышлений мудрого, умного и мужественного человека.

Командование полка старалось не загружать гостя встречами, на за день до отъезда Алексей Петрович попросил о встрече с летчиками на аэродроме, во время полетов. Он сел рядом с руководителем полетов, долго и молча наблюдал из стартового командного пункта взлеты и посадки самолетов, вслушивался в радиоразговоры летчиков с руководителем полетов; он не задавал вопросов — он постигал внутренний мир современной авиации, ее нравственные нюансы взаимоотношений летчиков в воздухе с руководителями на земле, ее порядки, ее писанные и неписанные законы и, разумеется, сравнивал ее с авиацией времен войны.

Шагая к МиГу, Алексей Петрович, ни к кому не обращаясь, размышляя вслух, тихо проговорил:

— Все стало намного сложнее. Намного!..

В кабину МиГа он с трудом поднялся по приставной лестнице, сел на парашют; летчики помогли ему надеть лямки подвесной системы, пристегнуться к катапультному креслу. После краткого инструктажа летчик Маресьев запустил двигатель, закрыл кабину, двинул вперед РУД — рычаг управления двигателем, долго всматривался в приборы контроля двигателя, уменьшил обороты до малых и на какое-то время оставался в одной и той же позе — он вспоминал свои полеты и свой истребитель «Лавочкин-5»...

Летчики сошли с лесенок и остановились у консоли крыла. Я заметил, как повлажнели глаза Алексея Петровича, и тоже отошел в сторону — пусть летчик Маресьев останется на какое-то время один на один с МиГом...

Шум турбины медленно утих — Маресьев закрыл стоп-кран, и двигатель остановился. Летчики поднялись по лесенкам к открытой кабине и услышали его голос:

— Рябит. Много приборов, тумблеров, табло, кнопок. На наших истребителях было намного меньше.

Я помог Алексею Петровичу выйти из кабины.

— Разбередил ты мне, Анатолий, душу! Так захотелось полетать. А может, слетаем на «спарке»? Как ты думаешь?

— Необходимо высочайшее позволение. Попробуйте в Москве «пробить» это разрешение. И в следующий приезд слетаем на Ути-МиГ-15.

Маресьева окружили летчики: А. Киян, Г. Фадеев, О. Едомаха, Н. Кременчук — и засыпали своего однополчанина вопросами; их интересовала не только тактика воздушного боя, а особенности фронтового быта летчиков, нравственные проблемы, воспитание мужества.

— Что предпринимали командиры, если летчик боялся активно вести воздушный бой? Были ли случаи предания военному суду летчиков?

Алексей Петрович и офицеры полка уселись на скамьи, беседа потекла по-особому доверительно и, как всегда, захватывающе.

— Вы, похоже, не знаете о том, что пополнение полка из авиашкол, — сказал А. Маресьев, — часто было неподготовлено к ведению активного воздушного боя и к атакам по наземным целям. В авиашколах времен войны, особенно в сорок втором и начале сорок третьего года, не хватало бензина, учебных и боевых самолетов, моторов, масел, запасных агрегатов. Все лучшее шло на фронт! Курсанты из-за малого ресурса авиатехники не могли получить большого налета, и часто их выпускали из авиашколы с налетом 7—15 часов на боевом самолете. Понятно, что ребята робели при виде несущегося на них раскрашенного под тигра «мессера» или «фоккевульфа», терялись, допускали ошибки и, не скрою, боялись: у страха, как говорится, глаза велики. Там, где фронтовые командиры

имели возможность доучить молодых летчиков, обучая их над аэродромом, там дела шли получше: меньше было потерь, меньше боязни. И второе. В нашем полку осужденных летчиков не было. Но в других авиаполках редко, но отдельные случаи были. Вспомнил одного летчика; его за поломки на посадках разжаловали до сержанта. В воздухе держался, участвовал в воздушных боях, а посадке в авиашколе не научили — сломал два Ла-5. Машины, конечно, отремонтировали, и летчика постепенно доучили до необходимого уровня.

Меня удивляла маресьевская школа общения — он находит общий язык с любой аудиторией: будь то летчики, техники, механики, школьники или учителя. Его потрясающее обаяние, умный добрый взгляд, скупые жесты, паузы в беседах — все влияло на людей да так, что они слушали словно завороченные; от него исходили невидимые флюиды какой-то скрытой энергии, которая активизировала людские души на восприятие всего того, о чем говорил Маресьев.

В день отъезда Алексей Петрович по просьбе директора школы Дины Ивановны и учителей снова пришел в школу на торжественную линейку; как и в первый раз, его очень тепло встретили дети, вручили ему букеты цветов, а наш сын Юра с друзьями — корзину белых грибов, собранных школьниками. Прозвенел звонок на урок, а ребята не расходились — они окружили Алексея Петровича, не спускали с него глаз, вместе с ним шли рядом, пока он не покинул школьный двор. Человек-легенда вошел, похоже, в детские сердца на всю жизнь...

— Ты, Анатолий, устроил мне хороший отдых. Спасибо тебе! Давно я вот так не бывал на природе, в лесу, у озера, среди чужих и внимательных людей. Душа моя отдыхала! Я вновь был в кругу летчиков, техников, на пахнущей маслами и керосином стоянке. Все это родное и близкое...

— Не я один, Алексей Петрович. Командиры, летчики, техники, дети — весь авиационный городок старался сделать так, чтобы вы и пообщались, и отдыхали. Спасибо Вам, дорогой Алексей Петрович, за вашу необыкновенную душевную щедрость, доброту, теплоту общения. Вы привезли с собой и то, что никто другой не сможет, — Вы преподнесли летчикам полка бесценный подарок — мужество.

Мы по-мужски поцеловали друг друга... Провожавшие долго и крепко жимали руки Алексея Петровича, желали ему крепкого здоровья, приглашали приезжать еще... Так тепло провожают близких и дорогих людей...

В полку навсегда остался облик храброго летчика и мужественного человека, его неукротимый дух. В праздничные дни поздравительные телеграммы от Алексея Петровича зачитывались или перед строем полка, или на торжественном собрании и всякий раз вызывали долгие аплодисменты у гвардейцев — однополчан Алексея Маресьева. В каждый отпуск с Севера я непременно встречался с Алексеем Петровичем в его служебном кабинете: мы пили чай, вспоминали боевые вылеты в годы войны летчиков гвардейского полка А. Федотова, А. Числова, С. Петрова, И. Березуцкого...

Наши встречи участились после моего перевода в Москву в инспекцию одного из ведущих военных управлений, расположенного поблизости от Гоголевского бульвара, где размещался Советский комитет ветеранов войны. Служебные командировки были довольно частыми и долгими; пришлось побывать на Чукотке, Камчатке, Новой Земле, Сахалине, в Сибири, Семипалатинске, где на особом полигоне в свое время испытывалось атомное оружие (там посетил дом одного из ведущих создателей первой атомной бомбы — академика И. В. Курчатова), в столицах и во многих городах Средней Азии, Казахстана, Кавказа и Прибалтики, Белоруссии, Украине, Польше, Венгрии, ГДР, Чехословакии... И почти после каждого возвращения в Москву шел к Алексею Петровичу на чаепитие и теплые, душевные беседы. Как правило, Алексей Петрович очень внимательно слушал, задавал много вопросов, часть из них требовала полного откровения:

— Как относились к вам, советским офицерам, жители Праги?

— Люди постарше рассматривали нас достаточно спокойно. Молодежь городов вела себя вызывающе и даже с глубокой неприязнью, часть молодых людей сторонилась нас, в разговор не вступали.

— Видимо, что-то не так: поспешили с вводом войск, — развел руки Алексей Петрович. — Я бывал в Чехословакии до ввода туда войск, встречался с рабочими, студентами, военно-

служащими и нигде никогда не видел того, что довелось видеть тебе, ни разу не испытывал даже намека на неприязнь.

Его интересовали и быт чукчей, и условия жизни на Камчатке, и полеты летчиков нашего гвардейского полка, переведенного на Новую Землю, в центр Северного Ледовитого океана, и жизнь крестьян в Туркмении. Маресьев любил и умел слушать! С ним было интересно, и время, казалось, ускоряло свой и без того быстрый бег.

После одной из встреч Алексей Петрович спросил о моей публикации в «Правде».

— Прочитал с большим интересом. Молодец! А как с рассказами, о которых мы говорили в Карелии?

— Написал, переделал, снова написал.

— Конечно, о летчиках? — спросил Алексей Петрович.

— О летчиках. И не только о них.

Он снял трубку, набрал номер и, бросив короткий взгляд в мою сторону, поздоровался и кому-то сказал:

— У меня находится замполит того самого гвардейского полка, в котором Вы, Борис Николаевич, провели несколько дней во время завершения Курской битвы в 1943 году.

Меня охватило легкое волнение: кому Алексей Петрович говорит обо мне?

— Сможешь завтра до двенадцати часов встретиться в журнале «Юность» с Борисом Николаевичем? — спросил он, глядя на меня. Я согласно кивнул головой.

— Сможет. Помогите, Борис Николаевич, начинающему писателю. Кстати, его журналистские наблюдения однажды печатала «Правда».

Положив трубку, Алексей Петрович улыбнулся.

— Сосватал тебя. Это Борис Полевой. После встречи позвони вечерком домой.

На следующий день, держа в папке два рассказа, я подошел к входу «Юности» и остановился в нерешительности: журнал известный, огромный тираж, а тут начинающий литератор... Сомнения в моей способности сочинять рассказы охватили так, что я, испытывая робость от встречи с известным писателем, долго не решался переступить порожек редакции; ноги, казалось, не повиновались, как это было, когда я стоял с парашютом у открытого самолетного люка, испытывая страх перед

прыжком с транспортного самолета Ла-2, глядя на подернутую утренней дымкой далекую и опасную землю.

Очнулся от прозвучавшего выстрелом женского голоса:

— Вы к Борису Николаевичу? Вы Сулянов?

— Да, — дрогнувшим голосом ответил я и едва перешагнул порожек.

Мы прошли небольшой коридор, оказались в кабинете главного редактора, и секретарь оставила меня одного, сказав, что Борис Николаевич вот-вот подойдет. Оставшись в одиночестве, я вновь испытал беспокойство и тревогу: «А вдруг мои рассказы не понравятся Борису Полевому? Стыдоба!»

Полевой вышел из боковой двери, мы поздоровались. По просьбе хозяина кабинета я рассказал о службе в гвардейском маресьевском полку, о своих полетах и, отвечая на его вопросы, поделился своими литературными заботами, вспомнил о давней первой публикации в газете. Разговор перешел к Маресьеву; Борис Николаевич вспоминал те дни, когда он оказался в гвардейском полку, где и встретил своего главного героя. Часа через полтора я почувствовал, что пора уходить, и как только Полевой взял в руки два первых моих рассказа о летчиках, я поднялся.

— Вам сообщат после обсуждения в отделе. Не обижайтесь, если вдруг придется что-то поправить, получше написать. У нас в журнале очень высокие требования.

Забегая вперед, скажу, что месяца через два я получил холодный ответ члена редколлегии «Юности», они, де, не нашли возможности готовить рассказы к публикации. Разумеется, те рассказы требовали большого внимания, подсказки автору, доброго совета. Вечером, после встречи с Б. Полевым, позвонил Алексею Петровичу и сказал о встрече.

После ответа из журнала я стал читать все публикуемые в «Юности» рассказы, учился, присматривался к сюжету, к письму, к слову. Далеко не все рассказы можно было бы отнести к высокохудожественным, были по языку и средненькие, похожие на мои. Было бы человечнее, если бы член редколлегии помог начинающему автору советами и рекомендациями, а не холодным: «Не нашли возможности опубликовать».

При очередной нашей встрече я рассказал о равнодушном злополучном ответе из журнала.

— Пиши, Анатолий, больше. Не опускай рук! По публикациям в «Правде» видно: у тебя есть творческие способности. Ну, а об ответе из журнала, — Алексей Петрович развел руки, — насильно мил не будешь. Я же тогда попросил Полевого: «Посмотри рассказы сам. Помоги начинающему писателю». Он пообещал. Увы, меняются, Анатолий, люди. Как сказал один писатель: «Человек меняет кожу». И себя, к сожалению, меняет. Не только кожу, а и душу меняют.

Дружеская и теплая поддержка Алексея Петровича в то трудное для меня время была очень необходима и своевременна. Мы сидели вместе дольше обычного, пили чай с сухариками, говорили и о полетах, и о литературе, и почти в каждой его фразе звучала дружеская нотка заботы, тепла, желания помочь... Алексей Петрович был так настойчив и заботлив, что, отправившись в отпуск, а дело было в декабре, я взял пачку бумаги, уединился в библиотеке санатория и долго там писал, кропотливо и настойчиво шлифуя словесные обороты, подыскивая более подходящее слово, сравнивая фразу с мыслью. Работалось хорошо: меня никто не беспокоил, не надоедал. Одиночество — мое любимое состояние. Оно рождает вдохновение...

Вскоре в одном из московских журналов были опубликованы несколько моих рассказов, а вслед за ними редакция журнала выпустила мой первый сборник. Радость была преогромная. Я поспешил к Алексею Петровичу, с воодушевлением подарил ему свой сборничек, поблагодарив его за помощь и внимание, сказав, что часть рассказов родилась после памятной нашей встречи... Я засел за повести, а потом и за роман.

После многолетней работы в центральном военном ведомстве я получил новое назначение по службе в Белоруссию. Первые годы я был так занят, что и думать о литературном творчестве не было времени, но после частых, наполненных общением и проблемами командировок в Ригу, Вильнюс, Калининград, Брест, Гродно, Полоцк, Гомель, встреч и бесед постепенно приобрел опыт, умение распределить обязанности в отделе и в военном совете армии ПВО, что помогло выкраивать время вечерами для творчества. Но больше всего и лучше работалось в отпусках.

Поселившись в Минске, я вскоре вылетел на вертолете Ми-8 в Гродно, решил свои служебные задачи и вечером направился на встречу с Василем Быковым по полученному в горкоме адресу. Увы, Василя Владимировича дома не оказалось, а мне так хотелось увидеть того, кто так смело и убедительно написал о человеке на войне, о военных событиях, пережитых, казалось мне, автором повестей.

С Василем Владимировичем мы встретились спустя два месяца, и вскоре наши встречи стали частыми. Случалось, раздавался телефонный звонок: «Что-то вы давно не появлялись у нас?» Естественно, я показал Василию Владимировичу свой литературный опус и с нетерпением ждал его оценки и совета. Совет оказался простым: переставить главки повести. Он повел меня в «Неман» к Андрею Макаенку. Повесть взяли и вскоре опубликовали...

Наши отношения углублялись; я подолгу слушал рассказы Быкова о войне, о литературе, о творческих деятелях республики — Василь Владимирович ввел меня в творческие круги Минска, познакомил со многими писателями. Мы побывали с ним в воинских частях, встречались с летчиками, ракетчиками, библиотечными работниками, участвовали в читательских конференциях воинских частей. Жизнь стала намного интереснее, но не хватало одного — времени. И, тем не менее, творчески работал много: я делал записи и в вертолете Ми-8, и в самолете Ан-24, и на полигонах, и в гостиницах. Повести печатались в «Немане», издавались в «Мастацкай літаратуре». Я весьма благодарен Василию Быкову, Анатолию Кудравцу, Алексею Жуку, Михаилу Дубенецкому за публикации и издания моих рукописей. Вскоре по рекомендации Василя Владимировича Быкова меня приняли в Союз писателей. Я был очень взволнован тем, что членский билет Союза писателей вручил Василь Владимирович, приехав к нам на квартиру, — я простудился и потому находился дома. С ним был и Николай Матуковский. Мы выпили по чарке, почаяевичали, поговорили о делах творческих и писательских. Для меня это был большой праздник, я был тронут вниманием и очень благодарен за теплые поздравления и сам факт вручения писательского билета.

Такой радостью я не мог не поделиться по телефону с Алексеем Петровичем; он поздравил и сообщил о скором приезде

в Минск, что, естественно, обрадовало нашу семью. На вокзале он спросил о Василе Владимировиче и наших отношениях — он проявил живой интерес к моему рассказу о нашей дружбе с маститым писателем-фронтовиком, о новых публикациях Василя Быкова.

— Мне часто по работе доводится встречаться с фронтовиками различных родов войск: пехотинцами, артиллеристами, саперами, — как тяжело было на войне тем, кто был, как говорят фронтовики, «на передке», на переднем крае. Представляешь, бойцы и командиры неделями находились в окопах с водой — грунтовые воды заливали дно окопов и блиндажей. А зимой — ни согреться, ни посушить портянки! Были походные печечки, но как только их растопят, так сразу немцы бьют по дымку минами. Да, тяжело было пехоте и артиллеристам. В нашей с тобой родной авиации свои трудности: и боевые потери, и раскисшие грунтовые аэродромы, и нехватка запчастей, и постоянная угроза смерти в воздухе.

— Кстати, Василь Быков был командиром взвода известных пушечек «сорокапяток», а они находились «на передке», прямо перед окопами немцев. Ему тоже довелось испытать то, о чем вы, Алексей Петрович, рассказали.

Встреча была не столь долгой, как в Москве, но, тем не менее, мы уголили жажду общения. Вечером вместе с Таисией Ивановной, дочерью Геленой, нашей приятельницей директором школы Антониной Сергеевной мы проводили Алексея Петровича на вокзал и тепло попрощались с ним у вагона московского поезда...

В конце девяностых годов доводилось бывать в Москве сравнительно часто — продолжал работать в архивах, навещал родных и близких, встречался с активистами Международной ассоциации военных писателей.

Бывал и у Алексея Петровича. Одна наша встреча была весьма значительной и запомнилась очень хорошо — мы говорили о предательском заговоре в Беловежье, о последовавшем вслед за ним обнищании народов наших стран, о разграблении России, угрожающем росте преступности, криминала, о безнравственности многих политиков, писателей, журналистов, о растлении телевидением молодежи и детей.

Алексей Петрович был резок и категоричен в оценках действий Горбачева, Ельцина, Чубайса, Черномырдина, Гайдара и других экономистов-реформаторов, которые привели огромную и богатую страну и народ к нищете, падению культуры, росту преступности.

— Те, кто затеял этот переворот, о народе не думали, нет: разогнав Союз, они ринулись на высокие посты, стали президентами, заимели персональные самолеты и вертолеты. Разбойники-расхитители с позволения президента Ельцина кинулись грабить страну: одни прорвались к нефти, другие — к газу, третьи — скупали за бесценок огромные заводы, порты, рудники, — не без возмущения говорил Маресьев. — А что вытворяют газеты, телевидение? В свое время журналисты окрестили недавние времена «брежневским застоєм». Мол, и темпы развития экономики снизились, и нехватка продовольствия — колбасы не хватало, и культура не та... Но вот теперь, при Ельцине, вообще никакого движения вперед, хотя о рыночных отношениях трубят всюду, наоборот, гайдаровская «экономика» сбросила страну в яму, из которой трудно выбраться. «Брежневский застой» — ложь! Работали промышленность, «оборонка», сельское хозяйство. Да, нужны были реформы! Но не нашлось тогда нужного, умного человека! «Тогда был пресс бюрократии» — согласен. Ну, а сегодня? Вдвое-втрое возросла тяжесть пресса чиновников. А взяточничество? А коррупция снизу доверху?

— Некоторые политологи утверждают, что переворотом руководила бюрократия, она боролась за передел собственности.

— Ты, Анатолий, смотри глубже, — Алексей Петрович тяжело вздохнул. — Кто позволил бюрократии поднять голову после событий августа 1991 года? Скажу больше — бюрократия, стоя за спиной президента Ельцина, стала фактически управлять задыхающейся страной и пьянствующим Ельциным. Под видом борьбы с тоталитарным режимом приходят в упадок не только культура и духовность — разрушается общество, растет безнравственность. Удары наносятся по армии, православию, крестьянству..

— Согласен, Алексей Петрович! Почитайте того же Войновича — что ни книга, то грязь на советских людей, на Советский Союз, а ведь советские люди, Красная Армия разгромила

самое чудовищное порождение капитализма — фашизм. Да, помогли на завершающем этапе разгрома фашизма союзники.

— Да, о победе над фашизмом господ писатели войновичи, евтушенки и К° не пишут! На Западе уже не празднуют День Победы над фашизмом 9 мая 1945 года! Их пугает этот праздник! У них свои праздники. Бог с ними, с союзниками. Не знаю, как у вас, в Белоруссии, а в России учебники по истории не что иное, как издевательство над российской державой, над русским народом, как оглушение молодого поколения.

— Недавно, Алексей Петрович, прочитал у Натальи Нарочницкой (ее отец — академик советской Академии наук Алексей Нарочницкий) интересные, новые для меня оценки происходящего: «Русофоб, сегодняшний идеолог расчленения России Бжезинский... ничего нового не выдумал... Все списал у Энгельса. Извечная ненависть Запада в отношении России и православия рядится в разные одежды. Папе Римскому и Вольтеру, Марксу, Ленину, Троцкому, академику Сахарову и Александру Яковлеву ненавистны «царизм», «русский империализм», «византийская схизма», «варварство варягов»; они любили говорить о «любви русских к рабству»... Пренебрежение к славянам, страх перед их объединением открыто проявлялись у Энгельса в работе «Революция и контрреволюция в Германии» (1852). Сталин в письме «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”» камня на камне не оставил от энгельсовских обличений России, как «последней твердыни общеевропейской реакции»... Вон еще когда «великие мыслители» мечтали о разрушении России». Вернемся, однако, к дням сегодняшним. Что же делать? Извечные вопросы: «Кто виноват? Что делать?»

— Виновников, Анатолий, осудит народ и история. Что делать? Боюсь ухудшения. Нужна смена власти Ельцина. России нужен порядочный, смелый, умный руководитель, который эволютивно поменял бы ведущих чиновников, изгнал бы из власти олигархов, ограбивших страну и народ, изменил бы нравственность в государстве.

— Но СМИ повязаны с олигархами!

— Провести смену руководителей СМИ, особенно ТВ. Конечно же, наиболее крикливые газеты, радиостанции в частных руках, и их не заменишь, но оставлять все, как есть, нельзя!

— ТВ, газеты, радио призваны иметь программы познавательные, информационные и развлекательные. Но сегодня большая часть программ на ТВ, статей в газетах — это политика, скандалы и развлечения. Познавательных программ почти нет!

— Увы, это так! ТВ, газеты гонятся за сенсациями: убийства, пожары, наводнения, войны. Просвещение исчезает в СМИ. Все реже и реже на ТВ звучат классические произведения, народные музыка и песни, испытанные войной музыкальные произведения. Твои коллеги по писательскому цеху выдают «на гора» такие бандитские книги, что и в руки их брать не хочется — тошно. Те же убийства, насилие, грабежи, жестокость, безудержный секс. Грязь!

— В обществе бурьяном растет безнравственность. Помните, Алексей Петрович, великого Льва Толстого: «Не могу молчать!»?

— Может, сегодня нет желающих громко крикнуть: «Не могу молчать!»?

— Есть, но им не дают слова ни в газетах, ни на радио, ни на ТВ!

— Кого, Анатолий, имеешь в виду? Кто они?

— Писатели Юрий Бондарев, Валентин Распутин, Василий Белов. Валентина Распутина справедливо называют совестью России. Но их не увидите на ТВ! Там царствуют ентушенки, черниченки, сванидзе, войновичи. Им и премии, и награды.

— Все это гадко и безнравственно! Исчезает кондовая русская культура, веками защищавшая человека, общество от жестокости, пошлости, безнравственности. Недавно увидел на ТВ почти голых артистов, которые кривляются на сцене, изображая повышенную сексуальность. Докатились! Обнажение по канонам православия есть грех! И этот грех вытаскивают на сцену! А что стало с молодежью? Ужас! Часть ее пьянствует, употребляет наркотики, есть и венерические заболевания. У многих ребят пустота в глазах, стремление к реактивному фанатизму. А огромные, орущие толпы на площадях и стадионах, на концертах ошалелых рок-групп... Вместо занятий спортом на стадионах низкопробные концерты. Героями молодежи стали не летчики-испытатели или подводники, писатели или композиторы, а длинноволосые, в грязных майках и с перекошенными лицами «певцы» рок-групп.

— Что же, Алексей Петрович, ждет Россию?

— Я верю в русский народ, в другие народы российского государства, в славянское единство. Пройдет дурман обогащения, дурман безнравственности. Но крайне необходимо духовное обновление с помощью культуры, образования, возвышения православия, воспитания в духе уважения не к зеленому купюрам, а к труду, возрождения порядочности и нравственности.

Какое-то время мы оба молчали: лицо Алексея Петровича стало чуть бледнее, глаза потускнели; скупыми стали жесты и мимика.

— Как «движок»? — спросил я о сердце.

— Иногда заметны и аритмия, и даже перебои. Но держусь! Стараюсь, как и раньше, не расслабляться. Ты же, Анатолий, знаешь, что у меня тяжело больной сын, болеет и жена. Много денег уходит на лекарства. Живем с нехватками.

Известно, что многие артисты, певцы получают солидные надбавки и даже президентские пенсии. У казны нашлись деньги на эстрадных и других деятелей, но не нашлось денег на специальную пенсию известному в мире Человеку с большой буквы, пережившему и физические страдания, и душевные муки, и огонь немецких «эрликонов», сбивавшему в воздухе «юнкерсы» и «мессершмитты». Он всю жизнь трудился на Отечество, стал символом Великого патриотизма и служения Родине. Поколения людей учились в Маресьева мужеству и порядочности, становились летчиками — они хотели быть хоть чуть-чуть похожими на него.

— Иногда, Анатолий, бывает обидно, горло железным обручем перехватывает, на глаза слезы наворачиваются. Когда ушел на пенсию и нужно было покупать дорогостоящие лекарства для жены, сына и себе, понял — придется бедствовать. Мне настойчиво советовали похлопотать о пенсии. Обратился за помощью к правительству, а оттуда холодно и равнодушно ответили, что государство не имеет возможности увеличить социальное пособие. Вот тут-то и стало горько...

С давних пор в конце второй декады мая я звонил Алексею Петровичу, поздравлял его с днем рождения. Собрался поз-

вонить и 20 мая 2001 года, поздравить его, но неожиданно услышал сообщение о смерти А.П. Маресьева.

Остановилось измученное сердце... Великий наставник ушел из жизни. Человек железной воли, с мощным нравственным стержнем, высочайшего мужества, кристальной порядочности, потрясающей скромности. Поколения молодежи воспитывались на его судьбе, его стоицизме, на его стремлении служить людям, защищать Отечество, на его нравственности и его духовности.

Ушел Прометей духа...

Владимир Маяковский и его любимые женщины

Владимир Маяковский, красивый, широкоплечий, мужественный, смелый, решительный, умный, обладающий поэтическим талантом, с «громадой любви» ко всем людям, к своей семье: отцу Владимиру Константиновичу, матери Александре Алексеевне, сестрам Людмиле и Ольге, оставил яркий след в русской литературе. Он родился 17 июля 1893 года в Грузии, в селе Багдады, недалеко от Кутаиси, в семье лесничего. Случалось, семья испытывала лишения, невзгоды и материальные трудности. Однако мать Александра Алексеевна относилась к детям ласково и нежно, что, разумеется, помогало им расти в обстановке доброжелательности, внимания. В семье поощрялась самостоятельность детей, их труд, внимание к старикам.

Род Маяковских происходил из казаков-сечевиков юга Украины и Кубани.

Я —
дедом казак,
другим — сечевик,
а по рождению грузин.

Дед Владимира Владимировича был потомком дворянина, полкового есаула Кирилла Маяковского. Бабушка поэта по материнской линии Евдокия Никаноровна Павленко — родом из Кубани, станицы Терновской. Ее отец Алексей Иванович Павленко сражался при обороне Севастополя от англо-французских войск в 1856 году, участвовал в турецкой войне, умер от тифа в Эрзруме, когда дочери было 14 лет.

Мать поэта с детства писала стихи, а выйдя замуж за В.К. Маяковского, воодушевляла и мужа на стихотворчество, то есть родители поэта довольно серьезно увлекались поэзией, несмотря на то, что им приходилось вести домашнее хозяйство, разводить скот и птицу, выращивать кукурузу,